

гический аспект [Электрон. ресурс] // Поволжский журнал по философии и социальным наукам. 2001. № 9. Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/>; Браже Р. А. Синергетическая модель искусственного интеллекта // Синергетика, философия, культура. М., 2001. С. 90–92.

⁴ См.: Браже Р. А. Мозг осуществляет вейвет-анализ...; Он же. Фрактальное сжатие информации...

⁵ См.: Петухов С. В. Биосолитоны – тайна живого мира. Основы солитонной биологии. М., 1999.

ПЕРСОНОЛОГИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Б. В. Емельянов

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

Персоналогия истории философии – новое название старого понятия историко-философского жанра «биографического». Жанра, к сожалению, не самого почитаемого историками философии, несмотря на то, что история мировой (К. Фишер) и отечественной (А. Гулыга) философии знает блестящие его образцы.

Наш грант, посвященный русской философии, предполагал в итоге не только создание персоналогических характеристик русских философов, но и некоторый предварительный теоретико-методологический анализ его основных сторон. С этой целью мы провели специальную научную конференцию «Персоналогия русской философии» (2001), в надежде, что ее участники предложат как теоретические, так и характерологические решения этой проблемы. В полной мере этого не произошло. Повторя основные идеи нашего выступления на этой конференции и наши изыскания в этой области, предлагаем некоторые их итоги.

История философии как история проблем является наиболее распространенным типом историко-философских исследований. В исследованиях этого типа главным «действующим лицом» является идея или проблема, разработка которой ведется на абстрактном уровне философской школы либо философским направлением. Реальная деятельность философов в этом случае лишь подразумевается. В реальной же действительности именно конкретный философ является автором той или иной идеи, постановки и решения той или иной проблемы. Поэтому факты биографии философа, его жизнедеятельности, дружбы, полемики или даже вражды

с современниками, какие-то личные переживания, коллизии и ситуации, связанные с человеческим, социальным и политическим «лицом» философа, его жизнь и деятельность в историко-культурном и научном контексте должны стать равноправной составляющей историко-философского исследования. Биография философа – это то «особенное», без диалектической связи с которым не может существовать «общее» в развитии человеческой мысли. Историко-философская персонология с ее биографическим методом – одна из важнейших областей историко-философского знания. Не могу не согласиться с размышлениями на этот счет Г. Г. Шпета, который, разрабатывая идею «Биографической библиотеки философов», писал: «Изображение жизни великих людей не только знакомит с типами обнаружения, осуществления и многообразного воплощения истинно человеческого, но также показывает нам образцы, достойные нашего подражания и могущие служить нам конкретными идеалами в осуществлении наших собственных жизненных целей. Сообразно этому и в изложении биографии философских мыслителей на первый план следует выдвинуть их личное: выбор задач, жизненное отношение к ним, борьбу за идею и убеждения, победное столкновение с косностью, несознательностью, невежественностью, конфликты между самопожертвованием идеи и требованиями будничных забот, чистые радости достижений и страдания разочарований, героизм и глубокая человечность – словом, все то, что составляет внутренние перипетии душевной драмы мыслителя»¹. В этом случае содержание философской мысли уже не цель историко-философского исследования, а иллюстрация к развитию личности философа, где центр тяжести переносится на психологическую характеристику философа, при этом биографическая канва жизни и исторический ее фон придают конкретность изложению. Мысль философа излагается лишь постольку, поскольку она вытекает из запросов его личности и отвечает личным оправданиям жизни мира и истории².

Историко-философская персонология еще ждет своей теоретической и методологической разработки, но уже сейчас ясно, что биография философа может рассматриваться как некая целостность и даже «текст», подлежащий особому и тщательному рассмотрению, поскольку любой факт, малозначительный сам по себе, может быть знаковым для философа и его творчества в целом. Классической в этом отношении можно считать жизнь русского философа В. В. Розанова, факты из жизни которого (раннее сиротство, неудачная женитьба на Сусловой, которая не давала ему развода, второй – «невенчаный» – брак, «незаконнорожденные» дети) были «знаками» судьбы, определившими темы и проблемы его философии. Любой поступок (факт) в биографии философа входит в знаковую систему биографического «текста» и может определить его, выветить драму идей; как, например, уход Л. Толстого из Ясной Поляны.

С персонологией русской философии связана еще одна исследовательская проблема, которую необходимо учитывать. Общеизвестна репрессированность русской философии, постоянно находившейся и в царское, и в советское времена под некоторым подозрением у властей. Поэтому важными фактами биографии большинства, если не всех русских философов является их отношение с властью предрешающей и церковью. Конфликты с ними разной силы напряжения, явные или скрытые, ставшие достоянием истории уже после смерти философа, испытывали все. Без их анализа и включения в текст биографии философа историко-философское исследование его творчества будет непонятым, а некоторые «повороты» мысли – необъяснимы. Как пишет В. Курбатов, «...имена людей, определявших ориентиры нашего самосознания, порознь давно и хорошо известны (за исключением тех немногих мыслителей, которые сосланы в примечания или аттестуются в старых энциклопедиях с резкостью, продиктованной политической борьбой). Дело за тем, чтобы поставить их в тот живой ряд, в котором они стояли и из которого были вынуты смертью, историческими обстоятельствами, властью соперничающей идеи и т. д. Дело за возвращением контекста не для его мумификации или почетного перепогребения, как памятника, а для извлечения из него того живого знания, которое необходимо сейчас для нормального этического развития»³.

«Событием бытия» для философа являются его мысли, идеи, высказанные в слове. Слово-поступок для многих русских философов было столь значительным, что звучало подобно «выстрелу в ночи». Читательский резонанс, отклики, приятие или неприятие этого слова – тоже факт биографии философа, что нельзя не учитывать. Эта проблема в русской философии вырастает в еще большую, если учесть, что русские философы не замыкались в башне из слоновой кости, а «участно мыслили», находясь в постоянном поиске ответов либо на вопросы злобы дня, либо на не менее актуальные метафизические типа: «Что замыслил Бог о России?». Таким образом, судьба философа и его творчества в их сопряженности с судьбой России становится важной персонологической проблемой истории русской философии.

История философии науки исторична, и поэтому в ней большое значение приобретает добротность источниковой (эмпирической) базы исследования. Историк философии обязан тщательно собирать, проверять и перепроверять фактологию своего исследования. Это требование особенно важно для персонологии истории философии. Даже проверка, казалось бы, известных фактов из биографии философа может дать неожиданные результаты, и тогда окажется, что известный русский философ

Владимир Францевич Эрн – это Арефьев Владимир Гаврилович, а «родная» фамилия Анатолия Васильевича Луначарского – Антонов, что ряд статей придворного философа Сталина М. Б. Митина написаны вовсе не им, а репрессированными философами-марксистами Каревым, Стэнном...

Большое значение для изучения истории философии приобретают так называемые *личностные* источники – дневники, воспоминания, письма, анализ которых порой может дать больше самих философских текстов, расставить акценты в творчестве философа. Русские философы вообще любили эпистолярный жанр как форму выражения мысли. Стоит только вспомнить «Философические письма» Чаадаева, гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями», статьи-письма Хомякова, «переписку из двух углов» Гершензона и Иванова и т. д. Говоря о письмах Г. Шпета, Т. Г. Щедрина пишет: «Их охват достаточно широк. С одной стороны, в них выражается отношение Шпета к современникам, например к Л. Шестову, к Э. Гуссерлю, Б. А. Фохту и др., содержатся его мысли о текущих событиях, будь то революция в России или корниловский мятеж. С другой стороны, в письмах раскрываются сложности и конфликты, возникающие в жизни и деятельности философа, проясняются не только отдельные факты его биографии, но и некоторые моменты, касающиеся его философских произведений. Они (письма) и литературный факт, и бытовая, и автобиографическая информация. В них – философские размышления и автохарактеристики, разговор об отношениях с жесткой действительностью и признания в любви – пестрое содержание, отливавшееся в различные формы»⁴.

Уверен, что если бы тома переписки А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева или тысячи пока неопубликованных писем П. Л. Лаврова или П. А. Кропоткина стали предметом специального историко-философского анализа, как, впрочем, и дневники Л. Н. Толстого или В. И. Вернадского, которые они вели всю жизнь, они смогли бы немало рассказать о философских исканиях их авторов.

Названные мною проблемы далеко не исчерпывают всего объема историко-философской персонологии, однако, надеюсь, обратят на нее внимание как на значительную исследовательскую задачу.

---

¹ Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 88–87.

² См.: Там же. С. 87.

³ Курбатов В. Живая душа России // Из русской думы. Т. 2. М., 1995. С. 234.

⁴ Щедрина Т. Г. Письма Густава Шпета // Персонология русской философии. Екатеринбург, 2001. С. 291–292.